

В жаркий полдень прелестная барыня, коей шёл пятнадцатый годок, полулёжа в прозрачном, шёлковом белом платье нежилась в креслах в тени на барской веранде, слегка склонив светло-русую головку, опустив томно длинные реснички, протянув и слегка раздвинув стройные, длинные белые ножки, правую полусогнув в коленке. У ножек юной барыни неотступно находилась дворовая девка, тоже молодая, с округлыми формами крепостная. Ей было велено заниматься ножками своей молоденькой хозяйки, сперва массировать (юная госпожа это очень любила) после содержать в порядке ноготочки на великолепных ножках госпожи. Это, собственно, было основной обязанностью этой крепостной рабыни. Сперва они вместе росли, играли в куклы и во все игры маленьких девочек, а когда девочки подросли рабыня окончательно стала рабыней, госпожа — госпожой. Надо сказать, что только в личной обслуге юной барыни было больше сотни крепостных девочек, девушек, женщин. Каждой была отведена своя, особая роль, каждая крепостная ею и занималась. Отдельно были кухарки, отдельно официантки (мужчин официантов барыня тоже держала, но для особых случаев, в основном для званых обедах и ужинах). Несколько служанок были горничными, часть занималась сугубо стиркой всего белья барыни, т. е. прачки, другие, в основном молодые дворовые девки принимали участие в помывке своей госпожи в бане, купали её в бассейне с выстроенным специально фонтаном. Четыре служанки (их именовали «клозетки») посменно и круглосуточно обязаны были готовы в любое время дня и ночи подмывать свою юную госпожу после отправления ею естественных надобностей. Молодая барыня была очень чистоплотна и щепетильна в вопросах личной гигиены, поэтому круглосуточный пост у них находился подле клозета, наготове всегда были тёплая вода в специальном кувшинчике, свежие полотенца и средства гигиены. Вахту несли по двое, барыня любила, чтобы рабыни находились во время отправления надобностей тут же на коленках и тотчас любя принимались за свою работу даже во время процесса. Юная красавица не любила долго сидеть с нечистотами, поэтому подмывать свою хозяйку должно было им постоянно, пока она делает своё дело. Иногда нечистоты падали прямо на руки крепостным рабыням, заботливо омывающих свою юную богиню. Такой же строгой гигиены она требовала и от самих «клозеток», к коим специально регулярно для осмотра вызывался доктор из губернии. Ещё у неё были плясовые девки, которым и петь и плясать, когда княжне будет угодно. Раздевать и одевать княжну Ирину тоже были назначены с десятков крепостных. Ещё были с десятков швей и портних и уже не считая тех, кто выполнял всякую иную рутинную работу, обеспечивая все многочисленные жизненные потребности юной и властной красавицы, любящей роскошную жизнь, которую ей одной в поле и в доме обеспечивали десятков тысяч крепостных душ.

— Ах, как же ты, Дюняша, неловка! — вдруг слегка вскрикнула княжна, — больно делаешь, эдак ноготок сломашь, корова неуклюжая...

— Простите, простите, простите, барыня, я ненароком! — Дюняша, стоя на коленях бросилась лобызать ножки хозяйке, — простите, барыня, я случайно, не наказуйте, барыня, помилосердствуйте княжна!

Дюняша, прекрасно понимая чем подобные «неловкости» крепостных рабынь им оборачиваются, неистова молила о пощаде.

— Ах, Дюняша, я было задремала, когда ты мне ножку массирувала, в тонком сне мне вновь

пригрелся тот юный корнет, что был на балу у Голицыных, он подходил ко мне... и тут... в общем, ты всё испортила...

— Барыня!!! Христом Богом молю, простите, я случайно, усик под ноготочком снять хотела у Вас, неловко вышло, простите, барыня, устала я, ногли затекли, с коленок с рассвета не вставала, всё Вашу милость ублажаю! — Дуняша в голос разрыдалась.

Другая дворовая девка, что неотступно должна быть с зонтиком над головой у юной госпожи где бы госпожа не находилась, сочувственно глянула на Дуняшу.

— Ступай, ступай глупая неумеха, — лениво протянула княжна Ирина, грациозно потягивая свои тоненькие, беленькие нежные ручки и плечики, — ступай к конюху, получи с полсотни хорошеньких плетей, да скажи: барыня велела не жалеть, а ты считай каждый удар и после каждого удара благодари вслух свою барыню, громко благодари, мне отсель должно быть слышно. Собыёшься в счёте или не поблагодаришь — всё сызнава пусть начинает. После, коли сразу не околеешь, в яму отправишься, посидишь там три денёчка на одной воде, а там поглядим. Не околеешь — клозет до конца жизни будешь выгребать, считай, счастливая родилась, а коли околеешь — туда тебе неумехе и дорога, много у меня таких.

Дюняша прекрасно понимала, что такое наказание ей скорее всего не пережить, как это было до неё с десятками таких же «неловких» дворовых крепостных.

— Благодарите госпожу свою и ступай, дрянная девка, ты мне больше не нужна.

И барыня, юная княжна Ирина четырнадцати с небольшим годков, красивая, богатая владелица десятка тысяч крепостных рабов и рабынь, вновь изящно потянулась на кресле, подставила для последнего благодарственного поцелуя обречённой рабыне ножку, и уже не обращая на неё никакого внимания, приказала стоящим рядом на коленках девицам, что из грамотных, принести и читать какой-нибудь французский роман.

— Жарко становится и скушно... — с томным взглядом в никуда протянула юная богиня...

Дуняша же, покорно поблагодарив свою юную Хозяйку, нежно и последний раз прикоснувшись к её пяточкам губами столь же покорно встав с колен и поклонившись, поплелась на конюшню, получать своё наказание, кое ей было назначено Той, что вправе вершить судьбу её и тысяч таких же бесправных существ, принадлежащих полностью и без остатка своей совсем ещё юной, прелестной, стройной, образованной светло-русой Госпоже — княжне Ирине.

E-mail автора: rakitsky.serega@yandex.ru